

Хватка на горле сжималась всё сильнее. Чужое прикосновение обжигало, словно раскалённое железо, заставляя Лу Цинюаня задыхаться от боли. В то же мгновение складной веер, породив яростный порыв ветра, устремился прямо ему в череп. Ещё секунда — и острая сталь вонзилась бы в плоть, но в воздухе внезапно блеснула ослепительно белая вспышка, разнеся грозное оружие в щепки.

— Попался, тварь! Куда теперь побежишь?!

Чжоу Буфань взмахнул Мечом Свободных Странствий, возвращая его в ножны, и сделал широкий шаг вперёд. Ткнув пальцем в сторону Хуа Маньсяна, он яростно рявкнул:

— Демоническое отребье! Нагородил тут призрачных массивов, трусливый обманщик, только и умеешь, что туману напускать! Если кишка не тонка, выходи со мной один на один!

Обломки веера устремились обратно в ладонь Хуа Маньсяна. Окутанные вихрем абрикосовых лепестков, они в то же мгновение срослись воедино, не оставив и следа от повреждений. Цветочный демон привычным изящным жестом взмахнул веером, обмахнулся и, вскинув подбородок, смерил незваных гостей презрительным взглядом.

— С тобой? — насмешливо протянул он. — С жалким неудачником, которого я уже размазал?

Напоминание о былом поражении мгновенно задело Чжоу Буфаня за живое. Позабыв о благородстве заклинателя, он завёл спор с пылом базарной торговли:

— Да как язык поворачивается старое поминать?! Слышал небось: не по числу побед о герое судят! Сколько можно цепляться за прошлое? Будь выше этого, прояви великодушие!

К тому же получить такое клеймо при Чжэнчжэн — уступить какому-то мелкому цветочному демону — было для него несмываемым позором. Ну уж нет, лицо нужно держать во что бы то ни стало.

Хуа Маньсян лишь брезгливо отвернулся, не удостоив крикуна даже взглядом. Пусть бесится сколько душе угодно. Однако его высокомерие прервала внезапная холодная вспышка: смертоносное лезвие устремилось прямо к его горлу, вынудив демона стремительно отпрянуть назад.

Меч Истребления Демонов, описав в воздухе дугу, с сухим щелчком вернулся в ножны. Чжоу Буфань ошеломлённо повернулся к Лэн Шанлань:

— Ну ты даёшь, Третья! Уже и нападать исподтишка научилась?

Лэн Шанлань даже бровью не повела. Она принадлежала к числу тех людей, которые предпочитали словам дело, а бессмысленную перепалку Чжоу Буфаня с демоном находила

пустой тратой времени. Лишь поэтому она прервала этот балаган своей атакой.

Хуа Маньсян плавно опустился на землю. На его губах по-прежнему блуждала снисходительная ухмылка.

— Так и быть, проявлю милость, — бросил он. — Нападайте все вместе.

Едва слетели эти слова, Чжоу Буфань и Лэн Шанлань обменялись быстрыми взглядами. Они взмыли в воздух, направляя свои духовные клинки прямо в грудь Хуа Маньсяна. Закипел бой под покровом ненастной, безлунной ночи. Яростные порывы ветра с треском ломали сухие ветви старых деревьев, далеко разносился унылый скрип. Мелкие лепестки абрикоса кружились в воздухе, попадая под свистящие стальные лезвия. Потоки запретной энергии меча со свистом рассекали ночную тьму, порождая безумный танец ослепительных искр и теней.

Пока троица мерилась силами, Е Чжэнчжэн поспешила к поверженному Шэнь Мэнчжуану. При виде израненного Старшего соученика и окровавленного Лу Цинюаня у неё болезненно сжалось сердце.

— Старший брат, очнись! Цинюань, ты как, цел?! — Е Чжэнчжэн отчаянно пыталась помочь Шэнь Мэнчжуану сесть, одновременно увлекая Лу Цинюаня за собой.

Лу Цинюань, судорожно хватаясь за разодранное горло и содрогаясь от нестерпимой боли, с трудом поднялся на ноги с помощью соученицы. Он тут же рухнул на колени перед Шэнь Мэнчжуаном. Юноша торопливо касался его бледного лица, сжимал его безвольную ладонь и умоляюще шептал:

— Старший брат, проснись же, умоляю тебя! Не смей закрывать глаза! Старшая сестра пришла, мы спасены!

Оценив обстановку, Е Чжэнчжэн прижала ладонь к груди Шэнь Мэнчжуана и принялась переливать ему собственную духовную силу. Вскоре тот глухо застонал и медленно приоткрыл глаза. Увидев встревоженные лица младших, он слабо выговорил:

— Чжэнчжэн... твои раны ведь ещё не затянулись. Зачем ты тратишь духовные силы? Твоё тело этого не вынесет.

Девушка лишь крепче сжала его плечо и с лёгкой, ободряющей улыбкой ответила:

— Ради тебя, Старший брат, я готова на всё.

Договорить они не успели. Сбоку, где шло ожесточённое сражение, серебряные росчерки мечей раз за разом пронзали ночную мглу. Воздух звенел от яростного свиста рассекаемой

стали, но какие бы смертоносные выпады ни совершали нападающие, Хуа Маньсян отражал их с пугающей лёгкостью.

Лицо Шэнь Мэнчжуана посуровело. Глядя на эту схватку, он прекрасно понимал: судя по раскладу сил и тому, как этот мир прописал глупый писака, лобовая атака обречена на провал. Одолеть врага в честном бою они не смогут. Что ж, раз не получается силой — придётся действовать хитростью.

Быстро взвесив все «за» и «против», Шэнь Мэнчжуан незаметно для окружающих извлёк чистый талисман. Несколькими резкими взмахами пальцев он начертил на нём защитные знаки, прошептал заклинание и стал выжидать подходящего момента. Когда внимание цветочного демона рассеялось, заклинатель резким движением направил бумажную полоску прямо в цель. Талисман стрелой устремился к Хуа Маньсяну и бесследно вошёл в его грудь. По телу демона пробежала огненная вспышка, и он застыл как вкопанный, не в силах пошевелить и пальцем.

Заметив это, Чжоу Буфань и Лэн Шанлань среагировали мгновенно. Их клинки, повинувшись воле хозяев, вонзились глубоко в плоть Хуа Маньсяна. На землю хлынула тёмная кровь.

Демон попятился, зажимая руками разорванную грудь, и в ярости прорычал:

— Подлые крысы... ударили в спину!

— Против лома нет приёма! — ухмыльнулся Чжоу Буфань. — Получай, тварь!

С этими словами он вновь устремил свой духовный меч вперёд, намереваясь нанести решающий удар.

Хуа Маньсян из последних сил взмахнул веером, сотворив плотную завесу белого тумана, которая мгновенно скрыла его и ослепила преследователя. Пользуясь замешательством, демон бросился наутёк. Когда дымка слегка рассеялась, Чжоу Буфань вернул Меч Свободных Странствий, огляделся по сторонам и, заметив вдали ускользающий силуэт, яростно крикнул:

— За ним! Не дайте уйти!

Заклинатели бросились в погоню. В отличие от ясного неба, раскинувшегося за пределами этого проклятого места, здесь высилась нескончаемая глухая ночь, усыпанная холодными звёздами. Вскоре след Хуа Маньсяна окончательно затерялся. Они снова оказались в плену Туманной Иллюзии Призрачных Цветов — блуждали во тьме, неспособные отыскать дорогу назад.

— Проклятье, ну что за чертовщина! Мы опять пришли туда же? — Чжоу Буфань в недоумении покрутился на месте, разглядывая примятую траву под ногами. Сомнений не оставалось: они

здесь уже были.

Е Чжэнчжэн тоже с тревогой осмотрелась и пробормотала:

— Кажется, мы угодили в очередную ловушку.

Пока остальные безуспешно пытались отыскать средоточие массива, Шэнь Мэнчжуан, прижимая ладонь к ноющей груди, негромко закашлялся.

— Этот массив искажает естественный ход времени, — сипло произнёс он. — Чтобы разрушить его, нужно бить в уязвимое место.

Хоть Шэнь Мэнчжуан и читал новеллу по диагонали, базовые законы этого мира он помнил крепко. К тому же, зная неисправимую лень автора, не стоило ждать от него хитрых головоломок. Заклинатель вообще подозревал, что этот бумагомарака придумал массив на скорую руку, пока справлял нужду в отхожем месте, и просто навалил в кучу ворох штампов.

Он закинул голову к чернеющему небу. Звёзды и полная луна сияли слишком неестественно, явно нарушая законы природы. Сомнений не оставалось: ключ к разгадке скрывался прямо над ними.

Поняв, как разрушить иллюзию, Шэнь Мэнчжуан уверенно сложил пальцы в направляющем жесте. Меч Мирного Века со свистом вырвался из ножен, взмыл высоко в небо и, сверкая безупречной сталью, устремился прямо к сияющему диску луны.

Раздался оглушительный треск. Небосвод раскололся, хлынул ослепительный, режущий глаза свет. Поднялся ураганный ветер, стирая призрачные очертания деревьев; непроглядная ночная тьма растворилась в сияющей белизне. Защищаясь от вспышки, Шэнь Мэнчжуан одной рукой прикрыл собственное лицо, а ладонью другой заслонил глаза Лу Цинюаня, крепко прижав его к себе. В этот момент он выглядел как самый заботливый и преданный отец, оберегающий своё дитя.

Постепенно туман рассеялся, и взору предстала совершенно иная картина. Вокруг зеленели берега, поросшие плакучими ивами, где-то звонко щебетали птицы, а под изящным каменным мостиком мирно журчал чистый ручей. Однако поблизости не было ни жилых домов, ни прохожих. Посреди этого безмолвия высилось лишь одно-единственное колоссальное строение.

Двери этого величественного терема, уходящего вершиной в самые облака, были наглухо заперты. Переглянувшись, заклинатели без колебаний направились прямо к нему.